

83.3P1
+53

евъ Николаевичъ

Толстой.

БІОГРАФІЯ.

Составилъ П. Бирюковъ

по неизданнымъ матеріаламъ (Воспоминанія и письма Л. Н. Толстого).

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

№ 881.

ТОМЪ I.

Второе изданіе,
исправленное и дополненное.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Гименовская в
Москва—1911.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
ГОС. БИБЛИОТЕЧНАЯ
СИСТЕМА Г. ТУЛЫ

47769-1 кр тпр

В Центральную
городскую библиотеку
им. М. Н. Ткаченко
от Тривановой И. В.

Книга принадлежала
учителю-методисту
Павлу Дмитриевичу
Монзакскому, первому
декану факультета
русского языка и лите-
ратуры Тульского
Педучилища.

Тула. 25. XII. 1986 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Второе изданіе 1-го тома мнѣ приходится дѣлать уже послѣ смерти великаго старца, Льва Николаевича. Неизмѣримое горе, еще недостаточно прочувствованное нами и въ тоже время торжественная, умиляющая радость отъ созерцанія какъ бы луча небеснаго свѣта, пробившагося сквозь грозныя тучи нашего темнаго міра—вотъ тѣ волнующія меня чувства, на фонѣ которыхъ кажется столь ничтожною моя работа. Но какая бы она ни была, я не считаю себя въ правѣ бросать ее и буду продолжать по мѣрѣ силъ.

Пользуясь указаніями нѣкоторыхъ близкихъ ко Льву Николаевичу лицъ и нѣкоторыми вновь вышедшими печатными и вновь найденными мною рукописными матеріалами, я немного поправилъ и дополнилъ 1-й томъ въ этомъ новомъ изданіи.

Библіографическій списокъ 1-го тома пополнился интереснымъ трудомъ Н. Г. Молодцова, нынѣ умершаго, подъ названіемъ: „Левъ Толстой. Критико-біографическое изслѣдованіе“. Въ этомъ трудѣ собраны нѣкоторые новые, цѣнные матеріалы, какъ, на примѣръ, письма матери Льва Николаевича. Есть нѣсколько біографическихъ чертъ, относящихся къ раннему времени, въ разсказахъ Тенеромо. Другія, вышедшія за это время книги о Львѣ Николаевичѣ, не даютъ матеріала для 1-го тома, и потому я не упоминаю о нихъ въ этомъ спискѣ.

Нѣкоторая спѣшность моей работы не позволила мнѣ подвергнуть болѣе основательной переработкѣ

къ чему я уже ощущаю потребность, но что, по многимъ обстоятельствамъ, мнѣ приходится отложить до другого раза.

Я долженъ сказать откровенно, что критики моей книги, а я, кажется, прочелъ все, что писалось о ней, дали мнѣ очень мало. Дорогое для меня, снисходительное и благожелательное отношеніе къ моей работѣ самого Льва Николаевича дало мнѣ много силы и еще долго будетъ поддерживать меня во всѣ трудныя минуты, которыя приходится переживать всякому серьезному работнику. Другое большое удовлетвореніе даетъ мнѣ та мысль, что моя работа хоть нѣсколькими правдивыми штрихами набросаетъ дорогой образъ и дастъ многимъ людямъ возможность благоговѣнно созерцать его.

И. Бирюковъ.

16 декабря 1910 г.
Кострома.

Введеніе

(къ 1-му изданію.)

Съ робостью и благоговѣніемъ, съ сознаніемъ своей слабости приступилъ я къ священному для меня дѣлу, изображенію жизни моего учителя, великаго старца Льва Николаевича Толстого.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ настолько далекъ отъ этого дѣла, что, живя большую часть времени въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ со Львомъ Николаевичемъ, проводя въ его домѣ часы и даже цѣлые дни, никогда не дѣлалъ никакихъ замѣтокъ, никакихъ записей того, что мнѣ приходилось слышать какъ отъ самого Льва Николаевича, такъ и отъ окружавшихъ его лицъ. Теперь, уже живя въ ссылкѣ¹⁾ за свои религіозныя убѣжденія внѣ Россіи и потому вдали отъ Льва Николаевича Толстого, я взялся за это важное дѣло.

Поводомъ къ этому было предпринятое парижскимъ издателемъ Стокомъ изданіе полнаго собранія сочиненій Льва Николаевича на французскомъ языкѣ, для котораго я получилъ предложеніе доставить проредактированный мною русскій оригиналъ и написать къ нему біографію.

Я зналъ хорошо, что писать біографію живого человѣка нельзя безъ согласія его самого и его семьи, и прежде, чѣмъ принять это предложеніе, я обратился къ графинѣ

¹⁾ См. Р. С. къ этому введенію.

Софья Андреевна Толстой съ просьбой сообщить мнѣ, не будетъ ли она противъ того, чтобы я занялся составленіемъ біографіи Льва Николаевича, на что получилъ, ободрившій меня, добрый отвѣтъ ея; я выписываю здѣсь изъ ея письма то, что относится къ дѣлу:

„... Конечно, хорошо бы вамъ заняться біографіей; и самъ Левъ Николаевичъ могъ бы еще отвѣтить вамъ на многое, что вы запросите мнѣ; только надо спѣшить. Чуть-чуть не угасла всѣмъ намъ дорогая жизнь. Но теперь, слава Богу, Левъ Николаевичъ хорошо поправляется и опять работаетъ“.

Письмо это помѣчено 19 іюля 1901 года и написано тотчасъ послѣ перенесенной Львомъ Николаевичемъ тяжелой болѣзни.

Не желая беспокоить самого Льва Николаевича и будучи впередъ увѣренъ въ томъ, что онъ не окажетъ никакого препятствія моей работѣ, я послѣ вышеприведеннаго письма далъ согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе и принялся за работу.

Начавши знакомиться съ матеріаломъ и вдумываться въ сущность и программу предстоящей работы, я съ одной стороны не разъ ужасался громадности ея, а съ другой стороны—все болѣе и болѣе увлекался ею, поглощался ея интересомъ и уже такъ сроднился съ нею, что считаю ее теперь дѣломъ своей жизни, независимо отъ какихъ бы то ни было издательскихъ соображеній.

Предварительная работа моя состояла въ собираніи матеріала для біографіи. Такіе матеріалы или источники для составленія біографіи Л. Н. Толстого я раздѣляю на четыре разряда по ихъ важности или достоинству.

Къ первому разряду я причисляю, во-первыхъ, личныя автобіографическія замѣтки самого Льва Николаевича, его письма къ разнымъ лицамъ и выписки изъ его дневниковъ. Автобіографическій матеріалъ представляетъ особенную важность при жизни автора его, такъ какъ вся-

Софья Андреевна Толстой съ просьбой сообщить мнѣ, не будетъ ли она противъ того, чтобы я занялся составленіемъ біографіи Льва Николаевича, на что получилъ, ободрившій меня, добрый отвѣтъ ея; я выписываю здѣсь изъ ея письма то, что относится къ дѣлу:

„... Конечно, хорошо бы вамъ заняться біографіей; и самъ Левъ Николаевичъ могъ бы еще отвѣтить вамъ на многое, что вы запросите мнѣ; только надо спѣшить. Чуть-чуть не угасла всѣмъ намъ дорогая жизнь. Но теперь, слава Богу, Левъ Николаевичъ хорошо поправляется и опять работаетъ“.

Письмо это помѣчено 19 іюля 1901 года и написано тотчасъ послѣ перенесенной Львомъ Николаевичемъ тяжелой болѣзни.

Не желая беспокоить самого Льва Николаевича и будучи впередъ увѣренъ въ томъ, что онъ не окажетъ никакого препятствія моей работѣ, я послѣ вышеприведеннаго письма далъ согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе и принялся за работу.

Начавши знакомиться съ матеріаломъ и вдумываться въ сущность и программу предстоящей работы, я съ одной стороны не разъ ужасался громадности ея, а съ другой стороны—все болѣе и болѣе увлекался ею, поглощался ея интересомъ и уже такъ сроднился съ нею, что считаю ее теперь дѣломъ своей жизни, независимо отъ какихъ бы то ни было издательскихъ соображеній.

Предварительная работа моя состояла въ собираніи матеріала для біографіи. Такіе матеріалы или источники для составленія біографіи Л. Н. Толстого я раздѣляю на четыре разряда по ихъ важности или достоинству.

Къ первому разряду я причисляю, во-первыхъ, личныя автобіографическія замѣтки самого Льва Николаевича, его письма къ разнымъ лицамъ и выписки изъ его дневниковъ. Автобіографическій матеріалъ представляетъ особенную важность при жизни автора его, такъ какъ вся-

матеріала, я почувствовавъ потребность войти по этому дѣлу въ непосредственныя сношенія съ самимъ Львомъ Николаевичемъ, такъ какъ много неясныхъ сторонъ, открывшихся мнѣ, могъ разъяснить только онъ самъ. Я долго колебался, стоитъ ли изъ-за этого тревожить его, но наконецъ рѣшилъ написать ему, сказавъ, что рѣшаюсь беспокоить его разспросами, зная, что онъ не отказываетъ художникамъ лѣпить и писать съ него и фотографамъ-любителямъ дѣлать съ него снимки, хотя это и не можетъ доставить ему удовольствія, а потому и я прошу его попозировать для меня, для моего словеснаго изображенія его личности, которое я началъ писать, и я получилъ на это его доброе согласіе, которое онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 2 декабря 1901 г.:

„... очень радъ позировать вамъ и буду категорически отвѣчать на ваши вопросы“.

Другую важную поддержку оказалъ мнѣ другъ мой В. Г. Чертковъ, согласившійся открыть мнѣ для работы свой богатый архивъ частной корреспонденціи Льва Николаевича и выписокъ изъ его дневниковъ.

Неблагопріятныя условія моей работы состояли въ томъ, что я, отрѣзанный отъ Россіи какимъ-то нелѣпымъ административнымъ распоряженіемъ, лишенъ былъ возможности личнаго непосредственнаго общенія съ тѣмъ, жизнь кого я описываю, и лишенъ возможности работать въ русскихъ публичныхъ библіотекахъ и архивахъ; это обстоятельство значительно затрудняло мою работу по выборкамъ изъ старыхъ журналовъ и, только благодаря любезности нѣкоторыхъ частныхъ владѣльцевъ русскихъ библіотекъ за границей и благодаря богатству русскаго отдѣла въ Британскомъ музеѣ, это препятствіе было обойдено мною отчасти, но далеко не вполне. Я сдѣлалъ все, что могъ, по совѣсти и разуму, чтобы превозмочь эти препятствія, даже подавалъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи пріѣхать мнѣ на два мѣсяца въ Россію — и получилъ категори-

ческий отказъ. Поэтому, конечно, я не могу считать свою задачу исчерпанной до конца.

Что касается до выпускаемаго мною теперь перваго тома, я долженъ сказать, что читатели найдутъ въ немъ нѣчто безусловно новое—это воспоминанія Льва Николаевича о своемъ дѣтствѣ и о своихъ родныхъ, а также большое количество его частныхъ писемъ.

Чтобы показать читателю, какъ трудно было Льву Николаевичу взяться за писаніе своихъ воспоминаній, и чтобы показать, какъ слѣдуетъ относиться къ нимъ, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ моей переписки съ нимъ по этому предмету.

Я нѣсколько разъ писалъ Льву Николаевичу и близко стоящимъ къ нему людямъ съ просьбой записать хотя словесные рассказы Льва Николаевича о своемъ дѣтствѣ, что можно было бы сдѣлать въ простой вечерней бесѣдѣ.

Наконецъ, я получилъ отъ Льва Николаевича слѣдующее сообщеніе:

„... Сначала я думалъ, что не буду въ состояніи помочь вамъ въ моей біографіи, несмотря на все мое желаніе сдѣлать это. Боялся неискренности, свойственной всякой автобіографіи, но теперь я какъ будто нашелъ форму, въ которой могу исполнить ваше желаніе, указавъ на главный характеръ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ періодовъ моей жизни въ дѣтствѣ, юности и возмужалости. Какъ только справлюсь настолько, что буду въ состояніи писать, непременно посвящу на это нѣсколько часовъ и постараюсь сдѣлать это“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ пишетъ мнѣ слѣдующее:

„... Боюсь, что я напрасно обнадежилъ васъ обѣщаніемъ писать свои воспоминанія. Я пробовалъ думать объ этомъ и увидалъ, какая страшная трудность избѣжать Харибды—самовосхваленія (посредствомъ умалчиванія всего дурного) и Сциллы—цинической откровенности о всей мерзости своей

жизни. Написать всю свою гадость, глупость, порочность, подлость—совсѣмъ правдиво, правдивѣе даже, чѣмъ Руссо,—это будетъ соблазнительная книга или статья. Люди скажутъ: вотъ человѣкъ, котораго многіе высоко ставятъ, а онъ вонъ какой былъ негодяй, такъ ужъ намъ-то, простымъ людямъ, и Богъ велѣлъ.

„Серьезно, когда я сталъ хорошенько вспоминать всю свою жизнь и увидалъ всю глупость (именно глупость) и мерзость ея, я подумалъ: что же другіе люди, если я, хваленый многими, такая глупая гадина? А между тѣмъ, вѣдь это объясняется еще тѣмъ, что я хитрѣе другихъ. Это все я вамъ говорю не для красоты слога, а совсѣмъ искренно. Я все это пережилъ“.

Видя колебанія Льва Николаевича и чувствуя всю важность этого дѣла, я продолжалъ настаивать и, чтобы дать, такъ сказать, канву, по которой онъ могъ бы начать вышивать, я послалъ ему набросанную мною программу его біографіи.

Въ этой программѣ я принялъ условную систему дѣленія жизни человѣческой на семилѣтніе періоды. Это дѣленіе я слышалъ отъ самого Льва Николаевича, который, когда-то въ разговорѣ при мнѣ высказалъ мысль, что ему кажется, что, соотвѣтственно семилѣтнимъ періодамъ физической жизни человѣка, признаваемымъ нѣкоторыми фізіологами, можно установить и семилѣтніе періоды въ развитіи духовной жизни человѣка, такъ что выйдетъ, что каждому семилѣтнему періоду соотвѣтствуетъ особый духовный обликъ.

Резюмируя такимъ образомъ въ краткихъ словахъ перечень фактовъ изъ жизни Льва Николаевича и расположивъ его по этимъ періодамъ, мы получаемъ слѣдующую схему:

Года:	Лѣта Л. Н.—ча:	Содержаніе періодовъ:
1) 1828—35 гг.	Отъ рожд. до 7 л.	Младенчество.
2) 1835—42 „	7—14 лѣтъ.	Отрочество.
3) 1842—49 „	14—21 „	Юность, ученіе, университетъ, начало хозяйства въ деревнѣ.

4) 1849—56 гг.	21—28 лѣтъ.	Начало писательства, военная служба: Кавказъ, Севастополь, Петербургъ.
5) 1856—63 „	28—35 „	Отставка, путешествія, смерть брата, педагогическая дѣятельность, посредничество, женитьба.
6) 1863—70 „	35—42 „	Семейная жизнь. „Война и миръ“. Хозяйство.
7) 1870—77 „	42—49 „	Самарскій голодъ. „Анна Каренина“. Апогей литературной славы, семейнаго счастья и богатства.
8) 1877—84 „	49—56 „	Кризисъ. „Исповѣдь“. „Евангеліе“. „Въ чемъ моя вѣра?“
9) 1884—91 „	56—63 „	Москва. „Такъ что же намъ дѣлать?“ Народная литература. „Посредникъ“. Распространеніе идей въ обществѣ и народѣ. Критики.
10) 1891—98 „	63—70 „	Голодъ. „Царство Божіе внутри васъ“. Духоборы. Гоненіе на послѣдователей этихъ идей.
11) 1898—905 „	70—77 „	„Воскресеніе“. Отлученіе. Болѣзнь. Послѣдній періодъ. Обращеніе къ военнымъ, народу, духовенству и политическимъ дѣятелямъ. Война. Революціонное и реформаторское движеніе въ Россіи.

При самомъ бѣгломъ обзорѣ этой схемы читатель невольно замѣтитъ духовную особенность каждаго періода. И схема эта или канва не осталась безъ результата. Я получилъ вскорѣ отъ Льва Николаевича письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее:

„... Про свою біографію скажу, что очень хочется помочь вамъ и написать хоть самое главное. Рѣшилъ я, что могу написать, потому что понялъ, что интересно бы было и полезно, можетъ-быть, людямъ показать всю мерзость моей жизни до моего пробужденія и, безъ ложной скромности говоря, всю доброту (хотя бы въ намѣреніяхъ, не всегда по слабости выполненныхъ) послѣ пробужденія. Въ этомъ смыслѣ мнѣ и хотѣлось бы написать вамъ. Ваша программа семилѣтняя мнѣ полезна и, дѣйствительно, наводитъ

на мысли. Постараюсь заняться этимъ при первомъ окончаніи начатой работы“.

Наконецъ, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ драгоценныя листки съ воспоминаніями, набросанными на черно самимъ Львомъ Николаевичемъ. Я поспѣшилъ воспользоваться ими, замѣнивъ этими яркими красками блѣдныя мѣста уже начатой мною біографіи и, при первомъ удобномъ случаѣ, переслалъ Льву Николаевичу начало моей работы съ просьбой высказать свое сужденіе о ней.

На это я получилъ письмо, въ которомъ Левъ Николаевичъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее:

„... Общее мое впечатлѣніе то, что вы очень хорошо пользуетесь моими записками, но я избѣгаю вникать въ подробности, такъ какъ такое вниканіе можетъ завлечь меня въ работу исправленія, которой я нехочу. Такъ что предоставляю все вамъ, присовокупляя только то, что въ своей біографіи, цитируя мѣста изъ моихъ записокъ, прибавьте: изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ“.

Я рассказалъ всю эту исторію, чтобы оградить Льва Николаевича отъ всякой литературной отвѣтственности, и, исполняя его просьбу, привожу эту подчеркнутую фразу какъ въ введеніи, такъ и при каждой цитатѣ.

Вотъ при такихъ-то ободряющихъ обстоятельствахъ я продолжалъ свою работу.

Выпускаемый мною I томъ содержитъ въ себѣ описаніе происхожденія Льва Николаевича и первые періоды его жизни: дѣтской, юношеской и возмужалой холостой жизни, и заключается его женитьбой.

Остановка на этомъ времени удобна въ смыслѣ сдержанія, такъ какъ самъ Левъ Николаевичъ считалъ этотъ моментъ началомъ новой для него жизни. Остановка на этомъ мѣстѣ имѣетъ и практическое значеніе въ издательскомъ смыслѣ, такъ какъ содержаніе написаннаго по размѣру составляетъ обыкновенный томъ французскаго изданія.

Во второмъ періодѣ я надѣюсь рассказать о періодѣ наибольшей литературной славы, семейнаго счастья и богатства Льва Николаевича, пережитый имъ послѣ этого кризисъ и рожденіе его къ новой духовной жизни, т.-е. приблизительно года 1863—1884, соотвѣтствующіе въ жизни Льва Николаевича его лѣтамъ 35—56.

И, наконецъ, въ третьемъ томѣ ту часть жизни, которою живетъ теперь Левъ Николаевичъ и которая, надѣюсь, на радость намъ, не скоро еще кончится.

По справедливому замѣчанію одного біографа, жизнь Льва Николаевича подобна пирамидѣ, стоящей вершиной внизъ и основаніемъ кверху, продолжающей все расти и расширяться. Пропорціонально этому располагается и біографическій матеріалъ; ничтожное количество при его рожденіи, доходя до настоящаго времени, оно возрастаетъ до необъятности.

Имя Льва Николаевича Толстого избавляетъ меня отъ трудной и отвѣтственной обязанности дѣлать его общую характеристику, представлять его публикѣ. Близость къ натурѣ—вотъ моя единственная художественно-историческая задача.

П. И. Бирюковъ.

Villa Russe. Onex près Geneve. Suisse.

15 октября 1904 г.

P. S. Я уже закончилъ составленіе перваго тома, когда, вслѣдствіе временнаго ослабленія русскихъ репрессій, я получилъ разрѣшеніе вернуться въ Россію. Я воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, съѣздивъ туда и пополнилъ значительно біографическій матеріалъ перваго тома какъ посредствомъ личнаго общенія съ Львомъ Николаевичемъ, такъ и чтеніемъ его дневниковъ и переписки, за что приношу мою глубокую благодарность графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой, открывшей мнѣ доступъ къ цѣннымъ коллекціямъ біографическаго

матеріала, собраннаго ею и сданнаго на храненіе въ московскій Историческій музей, въ комнату имени Льва Толстого.

Весьма вѣроятно, что работа моя, начатая при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, приняла бы инья, болѣе совершенныя формы. Но я не имѣю возможности вернуться назадъ и начать сначала и потому оставляю ее такою, какою она есть, сдѣлавъ только тѣ перемѣны, которыя требовалъ вновь собранный мною матеріалъ послѣ моей поѣздки въ Россію.

Оставляю также и мое введеніе въ прежнемъ видѣ, такъ какъ оно вѣрно изображаетъ обстоятельства моей работы.

Еще два слова. Надѣюсь, читатели поймутъ тѣ особенныя условія, въ которыхъ мнѣ приходилось и приходится работать. Я пишу біографію не только живого, но еще бодро и энергично живущаго человѣка, и потому я, какъ біографъ, не могу сказать послѣдняго слова, дать окончательной оцѣнки этому, столь сильно бьющему, жизненному потоку.

И потому я долженъ бы былъ скромно (и я дѣлаю это вполне искренно) назвать свой трудъ лишь сборникомъ доступныхъ мнѣ матеріаловъ для біографіи Льва Николаевича Толстого.

Мнѣ не хотѣлось задерживать выхода этого перваго, болѣе или менѣе законченнаго тома, такъ какъ я полагаю, что выпускъ его въ свѣтъ можетъ указать обществу на тотъ центръ, куда могли бы стекаться свѣдѣнія, воспоминанія и другіе документы о жизни Льва Николаевича. Я буду искренно благодаренъ за всякую помощь и указанія.

П. Б.

23 августа 1905 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Списокъ использованныхъ матеріаловъ къ 1 тому.

І разрядъ.

- 1) Краткая біографія, составленная самимъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ по просьбѣ Н. Страхова для изданія Стасюлевича: „Русская бібліотека“, вып. IX. Гр. Л. Н. Толстой. Спб. 1879 г.
- 2) Исповѣдь Л. Н. Толстого. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, запрещенное въ Россіи. Т. I. Изданіе „Свободнаго Слова“. Christchurch. Hants. England.
- 3) Первые воспоминанія. Отрывокъ. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. XIII, изд. 10-е. Москва. 1897 г. Впервые появились въ сборникѣ И. Горбунова-Посадова „Русскимъ матерямъ“. Москва, 1892 г.
- 4) Доставленные мнѣ и отданные въ мое распоряженіе черновыя неисправленные записки Л. Н. Толстого.
- 5) Частныя письма Л. Н. Толстого къ его родственникамъ и знакомымъ.
- 6) Дневникъ Л. Н. Толстого.
- 7) Матеріалы къ біографіи Л. Н. Толстого, записанные съ его словъ С. А. Толстой.
- 8) Автобіографическіе рассказы, помѣщенные въ IV томѣ полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. (Педагогическія статьи.)
- 9) Мои воспоминанія 1848—1889 гг. А. Фета. Москва. 1890 г. (Большое количество писемъ Л. Н. Толстого.)
- 10) Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и миръ“. Статья Л. Н. Толстого. „Русскій Архивъ“ 1868 г. Вып. 3.

II разрядъ.

- 11) С. А. Берсъ. Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ. Смоленскъ. 1894 года.
- 12) Paul Boyer. Chez Tolstoi. Trois jours à Iasnaia Poliana. Le Temps 27—29 Août 1901.

- 13) А. Е. Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты. Воспоминанія 1824—1870 гг. Спб. 1890. Изд. Губинскаго.
- 14) Д. В. Григоровичъ. Литературныя воспоминанія. Полное собраніе сочиненій. Т. XII, стр. 326.
- 15) Г. П. Данилевскій. Поѣздка въ Ясную Поляну. „Историческій Вѣстникъ“. Мартъ 1886 г.
- 16) Изъ бумагъ А. В. Дружинина: „XXV лѣтъ“. Сборникъ, изданный Обществомъ пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ Спб. 1884 г.
- 17) Н. П. Загоскинъ. Гр. Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. „Историческій Вѣстникъ“. Январь 1894 г.
- 18) Захарьинъ (Якунинъ) Ив. Графиня А. А. Толстая. Личныя впечатлѣнія и воспоминанія. „Вѣстникъ Европы“. Іюнь 1904 г.
- 19) Р. Лёвенфельдъ. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь и сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Перелыгиной (съ примѣчаніями гр. С. А. Толстой). Москва 1897 г.
- 20) R. Löwenfeld. Gespräche mit und über Tolstoi. Leipzig.
- 21) Евг. Марковъ. Живая душа въ школѣ. Мысли и воспоминанія стараго педагога. „Вѣстникъ Европы“. Февраль 1900 г.
- 22) М. О. Меньшиковъ. Первое произведеніе Л. Н. Толстого. Книжки „Недѣли“, 1892 г. Октябрь.
- 23) Н. К. Михайловскій. Литературныя воспоминанія и современная смута. Т. I. Изд. „Русскаго Богатства“. Спб. 1900 г.
- 24) Мнѣніе 105 тульскихъ дворянъ о надѣлѣ крестьянъ землею. „Современникъ“ 1858 г. Т. 72.
- 25) Н. Г. Молоствовъ. Левъ Толстой. Критико-біографическое изслѣдованіе. Подъ редакціей А. Волинскаго. Изд. Сойкина. Спб.
- 26) Н. А. Некрасовъ. Четыре письма къ гр. Л. Н. Толстому. „Нива“, № 2, 1898 г.
- 27) Л. П. Никифоровъ. Біографическій очеркъ. „Курьеръ“. Сентябрь 1902 г.
- 28) Кн. Д. Д. Оболенскій. Наброски и воспоминанія. „Русскій Архивъ“. 1894 г.
- 29) Ив. Ив. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, съ приложеніемъ писемъ. Спб. 1888 г. Изд. Мартынова.
- 30) С. Плаксинъ. Гр. Л. Н. Толстой среди дѣтей. Москва. 1903 г.
- 31) В. А. Полторацкій. Воспоминанія. „Историческій Вѣстникъ“. Іюнь 1893 г.
- 32) А. Румянцевъ. Письмо къ Д. И. Титову. „Полярная Звѣзда“, IV. Изд. Герцена. Лондонъ. 1857 г.
- 33) Севастопольская пѣсня. Сообщилъ одинъ изъ участни-

ковъ въ составленіи Севастопольской пѣсни. „Русская Старина“. Февраль 1884 г.

34) П. А. Сергѣенко. Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой. Москва. 1898 г.

35) Евг. Скайлеръ. Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ. „Русская Старина“. Октябрь 1890 г. Пер. съ англійскаго. (Scribner Magazine 1889).

36) Тенермо. Живыя рѣчи. Спб.

37) И. С. Тургеневъ. Первое собраніе писемъ. 1840—1883 гг. Изд. Литературнаго Фонда. Спб. 1885 г.

38) Д. Успенскій. Архивные матеріалы для біографіи Л. Н. Толстого. „Русская Мысль“. Сентябрь 1903 г.

39) Частныя письма родственниковъ и знакомыхъ Л. Н. Толстого о немъ.

40) Н. К. Шильдеръ. Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя. „Русская Старина“. Т. LXVIII. 1890 г.

III разрядъ.

41) Евг. Богословскій. Тургеневъ о Львѣ Толстомъ. 75 отзывовъ. Тифлисъ. 1894 г.

42) Wilh. Bode. Tolstoi in Weimar. Der Säkemann. Monatschrift. Sept. 1905. Leipzig.

43) М. И. Венюковъ. Пѣсня о Севастополѣ. „Русская Старина“. Февраль 1875 г.

44) Кн. Е. Г. Волконская. Родъ князей Волконскихъ. Матеріалы собранные и обработанные кн. Е. Г. Волконской. Спб. 1900 г.

45) Кн. С. Гр. Волконскій (декабристъ). Записки. Изд. М. С Волконскаго.

46) Евг. Гаршинъ. Воспоминанія объ Ив. Серг. Тургеневѣ. „Историческій Вѣстникъ“. Ноябрь 1883 г.

47) П. Д. Драгановъ. Гр. Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный, и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей.

48) А. Ф. Кони. Біографическій очеркъ: „И. Ф. Горбуновъ“. (Предисловіе къ собранію сочиненій.)

49) В. Н. Лясковскій. Ал. Степ. Хомяковъ. Его біографія и ученіе „Русскій Архивъ“, II, 1896 г.

50) В. Н. Назарьевъ. Жизнь и люди былого времени. „Историческій Вѣстникъ“ 1900 г. Ноябрь.

51) Евг. Соловьевъ. Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Павленкова.

52) М. А. Янжулъ. Къ біографіи Л. Н. Толстого. „Русская Старина“. Февраль 1900 г.

А также многія газетныя замѣтки и статьи.

Біографія Л. Н. Толстого.

И. Н. Храненко

Справочныя книги.

- 53) Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь.
- 54) Юрій Битовтъ. Гр. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Библиографическій указатель. Изд. Сытина. Москва. 1903 г.
- 55) Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. А. В. Мезера.
- 56) В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Москва. 1896 г.

Введеніе Л. Н. Толстого къ своимъ воспомина- ніямъ.

Другъ мой П. Б., взявшійся писать мою біографію для французскаго изданія полнаго сочиненія, просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія.

Мнѣ очень хотѣлось исполнить его желаніе, и я сталъ въ воображеніи составлять свою біографію. Сначала я незамѣтно для себя самымъ естественнымъ образомъ сталъ вспоминать только одно хорошее моей жизни, только, какъ тѣни на картинѣ, присоединяя къ этому хорошему мрачныя, дурныя стороны, поступки моей жизни. Но, вдумываясь болѣе серьезно въ событія моей жизни, я увидалъ, что такая біографія была бы хотя и не прямая ложь, но ложь вслѣдствіе невѣрнаго освѣщенія и выставленія хорошаго и умолчанія или сглаживанія всего дурного. Когда же я подумалъ о томъ, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся передъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое должна бы была произвести такая біографія. Въ это время я заболѣлъ. И во время невольной праздности—болѣзни—мысль моя все время обращалась къ воспомина-ніямъ, и эти воспоминанія были ужасны.

Я съ величайшей силой испыталъ то, что говоритъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи: „Воспоминаніе“.

„Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогна града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—

Въ то время для меня влчатся въ тишинѣ
Часы томительнаго блѣдня.
Въ бездѣйствіи nocturno живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызеня;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю“.

Въ послѣдней строкѣ я только измѣнилъ бы такъ, —
вмѣсто „строкъ печальныхъ“... поставилъ бы: „строкъ по-
стыдныхъ не смываю“.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я написалъ у себя въ днев-
никѣ слѣдующее:

6 января 1903 г.

„Я теперь испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость
своей прежней жизни, и воспоминанія эти не оставляютъ
меня и отравляютъ жизнь. Обыкновенно жалѣютъ о томъ,
что личность не удерживаетъ воспоминанія послѣ смерти.
Какое счастье, что этого нѣтъ! Какое бы было мученіе,
если бы я въ этой жизни помнилъ все дурное, мучительное
для совѣсти, что я совершилъ въ предшествующей жизни!
А если помнить хорошее, то надо помнить и все дурное.
Какое счастье, что воспоминаніе исчезаетъ со смертью и
остается одно сознаніе, — сознаніе, которое представляетъ
какъ бы общій выводъ изъ хорошаго и дурного, какъ бы
сложное уравненіе, сведенное къ самому простому его вы-
раженію: $x =$ положительной или отрицательной, большой
или малой величинѣ!

„Да, великое счастье — уничтоженіе воспоминанія; съ нимъ
нельзя бы жить радостно. Теперь же, съ уничтоженіемъ вос-
поминанія, мы вступаемъ въ жизнь съ чистой, бѣлой страни-
цей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное“.

Правда, что не вся моя жизнь была такъ ужасно дурна,—такимъ былъ только 20-лѣтній періодъ ея; правда и то, что и въ этотъ періодъ жизнь моя не была сплошнымъ зломъ, какимъ она представлялась мнѣ во время болѣзни, и что и въ этотъ періодъ во мнѣ пробуждались порывы къ добру, хотя и не долго продолжавшіеся и скоро заглушаемые ничѣмъ не сдерживаемыми страстями. Но все-таки эта моя работа мысли, особенно во время болѣзни, ясно показала мнѣ, что моя біографія, какъ пишутъ обыкновенно біографіи, съ умолчаніемъ о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и что если писать біографію, то надо писать всю настоящую правду. Только такая біографія, какъ ни стыдно мнѣ будетъ писать ее, можетъ имѣть настоящій и плодотворный интересъ для читателей. Вспоминая такъ свою жизнь, т.-е. разсматривая ее съ точки зрѣнія добра и зла, которыя я дѣлалъ, я увидалъ, что вся моя длинная жизнь распадается на четыре періода: тотъ чудный, въ особенности въ сравненіи съ послѣдующимъ, невинный, радостный, поэтический періодъ дѣтства до 14 лѣтъ, потомъ второй—ужасныя 20 лѣтъ или періодъ грубой распущенности, служенія честолюбію, тщеславію и, главное, похоти, потомъ третій 18-лѣтній періодъ, отъ женитьбы и до моего духовнаго рожденія, который съ мірской точки зрѣнія можно бы назвать нравственнымъ, т.-е. въ эти 18 лѣтъ я жилъ правильной, честной, семейной жизнью, не предаваясь никакимъ осуждаемымъ общественнымъ мнѣніемъ порокамъ, но всѣ интересы котораго ограничивались эгоистическими заботами о семьѣ, объ увеличеніи состоянія, о пріобрѣтеніи литературнаго успѣха и всякаго рода удовольствіями.

И, наконецъ, четвертый 20-лѣтній періодъ, въ которомъ я живу теперь и въ которомъ надѣюсь умереть, и съ точки зрѣнія котораго я вижу все значеніе прошедшей жизни, и котораго я ни въ чемъ не желалъ бы измѣнить, кромѣ какъ въ тѣхъ привычкахъ зла, которыя усвоены мною въ прошедшіе періоды.

Такую исторію жизни всѣхъ этихъ четырехъ періодовъ, совсѣмъ правдивую, я хотѣлъ бы написать, если Богъ дастъ мнѣ силы и жизни. Я думаю, что такая написанная мною біографія, хотя бы и съ большими недостатками, будетъ полезнѣе для людей, чѣмъ вся та художественная болтовня, которой наполнены мои 12 томовъ сочиненій и которымъ люди нашего времени приписываютъ незаслуженное ими значеніе.

Теперь я и хочу сдѣлать это. Расскажу сначала первый радостный періодъ дѣтства, который особенно сильно манитъ меня; потомъ, какъ мнѣ ни стыдно это будетъ, расскажу, не утаивъ ничего, и ужасныя 20 лѣтъ послѣдующаго періода. Потомъ и третій періодъ, который менѣе всѣхъ можетъ быть интересенъ, и, наконецъ, послѣдній періодъ моего пробужденія къ истинѣ, даваго мнѣ высшее благо жизни и радостное спокойствіе въ виду приближающейся смерти.

Для того, чтобы не повторяться въ описаніи дѣтства, я перечелъ мое писаніе подъ этимъ заглавіемъ и пожалѣлъ о томъ, что написалъ это: такъ нехорошо, литературно неискренно написано. Оно и не могло быть иначе, во-первыхъ, потому, что замыселъ мой былъ описать исторію не свою, а моихъ пріятелей дѣтства, и оттого вышла нескладное смѣшеніе событій ихъ и моего дѣтства, а во-вторыхъ, потому, что во время писанія этого я былъ далеко не самостоятеленъ въ формахъ выраженія, а находился подъ вліяніемъ сильно подѣйствовавшихъ на меня тогда двухъ писателей: Stern'a (его *Sentimental journey*) и Töpfer'a (*Bibliothèque de mon oncle*).

Въ особенности же не понравились мнѣ теперь послѣднія двѣ части: отрочество и юность, въ которыхъ, кромѣ нескладнаго смѣшенія правды съ выдумкой, есть и неискренность, желаніе выставить какъ хорошее и важное то, что я не считалъ тогда хорошимъ и важнымъ—мое демократическое направленіе. Надѣюсь, что то, что я напишу теперь, будетъ лучше—главное, полезнѣе другимъ людямъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

ЧАСТЬ I.

Происхожденіе
Льва Николаевича Толстого.

Первый графъ Петръ Андреевичъ Толстой.

Современникъ Петра I.

ГЛАВА I.

Предки Л. Н. Толстого со стороны его отца ¹⁾.

Графы Толстые—старинный дворянскій родъ, происходящій, по сказаніямъ родословцевъ, отъ мужа честна Индриса, выѣхавшаго „изъ нѣмецъ, изъ Цесарскія земли“ въ Черниговъ въ 1353 году, съ двумя сыновьями и съ дружиною изъ трехъ тысячъ человекъ; онъ крестился, получилъ имя Леонтія и былъ родоначальникомъ нѣсколькихъ дворянскихъ фамилій. Его правнукъ, Андрей Харитоновичъ, переселившійся изъ Чернигова въ Москву и получившій отъ вел. кн. Василя Темнаго прозвище Толстого, былъ родоначальникомъ Толстыхъ (въ графской отрасли рода Толстыхъ графъ Левъ Николаевичъ числится отъ родоначальника Индриса въ 20-мъ колѣнѣ).

Одинъ изъ потомковъ Индриса, Петръ Андреевичъ Толстой, служилъ въ 1683 году при дворѣ стольникомъ и былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ стрѣleckаго бунта. Паденіе царевны Софіи заставило П. А. Толстого рѣзко перемѣнить фронтъ и перейти на сторону царя Петра, но послѣдній долго относился къ Толстому очень сдержанно, и вообще Петръ Андреевичъ долго не пользовался довѣріемъ царя: рассказываютъ, что на веселыхъ пирахъ Петръ любилъ сдергивать большой парикъ съ головы Петра Тол-

¹⁾ Вездѣ, гдѣ въ изложеніи я буду дословно приводить слова Льва Николаевича изъ его воспоминаній и писемъ, я буду оговаривать это и ставить кавычки.

стого и, ударяя по плѣши, приговаривать: „Головушка головушка, если бы ты не была такъ умна, то давно бы съ тѣломъ разлучена была“.

Недовѣрчивость царя не была поколеблена и военными заслугами П. А. Толстого во второмъ Азовскомъ походѣ (1696 г.).

Въ 1697 году царь посылалъ „волонтеровъ“ въ заграничное ученіе, и Толстой, будучи уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, самъ вызвался ѣхать туда для изученія морского дѣла. Два года, проведенные въ Италіи, сблизили Толстого съ западно-европейской культурой. Въ концѣ 1701 года Толстой назначенъ былъ посланникомъ въ Константинополь — на постъ важный, но трудный; во время осложненій 1710—1713 гг. Толстой дважды сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ, — поэтому въ гербѣ графовъ Толстыхъ изображенъ этотъ замокъ.

Въ 1717 году П. А. Толстой оказалъ царю важную услугу, навсегда упрочившую его положеніе: посланный въ Неаполь, близъ котораго въ Кастель Сентъ-Эльмо въ то время скрывался царевичъ Алексѣй со своей подругой Евфросиньей, Толстой, при содѣйствіи Евфросиньи, ловко обошелъ царевича и путемъ застрашиванія и ложныхъ обѣщаній склонилъ его къ возвращенію въ Россію. За дѣятельное участіе въ слѣдствіи, судѣ и тайной казни царевича, совершенной имъ по приказанію Петра въ соучастіи съ Румянцевымъ, Ушаковымъ и Бутурлинымъ ¹⁾, Толстой былъ награжденъ помѣстьями и поставленъ во главѣ Тайной Канцеляріи, у которой въ это время было особенно много работы вслѣдствіе толковъ и волненій, вызванныхъ въ народѣ судьбою царевича Алексѣя. Съ этихъ поръ Толстой становится однимъ изъ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ государя. Дѣло царевича Алексѣя сблизило его съ императрицей Екатериной, въ день коронованія которой — 7-го мая 1724 года — онъ получилъ титулъ графа. Послѣ смерти Петра I, П. А. Тол-

¹⁾ А. Румянцевъ. Письмо къ Д. И. Титову. „Полярная звѣзда“, IV, изд. Герцена. Лондонъ. 1857 г.

стой вмѣстѣ съ Меньшиковымъ энергично содѣйствовалъ воцаренію Екатерины, а потому и пользовался у нея большими милостями. Но съ воцареніемъ Петра II, сына казненнаго царевича Алексѣя, паденіе его было неминуемо. Несмотря на свой преклонный возрастъ — 82 года, Петръ Толстой былъ сослалъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ не долго и умеръ въ 1729 году.

Сохранился дневникъ заграничнаго путешествія Толстого въ 1697—1699 годахъ,—характерный образчикъ тѣхъ впечатлѣній, какія выносили русскіе люди Петровскаго времени изъ своего знакомства съ Западной Европой. Кромѣ того, Толстой составилъ въ 1705 году обстоятельное описаніе Чернаго моря. Извѣстны также его два перевода: „Метаморфозы Овидія“ и „Управленіе Турецкимъ Государством“.

У него былъ сынъ Иванъ Петровичъ, который въ одно время съ отцомъ былъ лишенъ занимаемой имъ должности (предсѣдателя суда) и также сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ умеръ незадолго до отца.

Только 26 мая 1760 года, уже при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, потомству Петра Андреевича было возвращено графское достоинство въ лицѣ внука его Андрея Ивановича, прадѣда Льва Николаевича.

„Про Андрея Ивановича, женившагося очень молодымъ на княжнѣ Щетининой, я слыхалъ отъ тетушки такой разсказъ. Жена его по какому-то случаю безъ мужа должна была ѣхать на какой-то балъ. Отъѣхавъ отъ дома, вѣроятно, въ возкѣ, изъ котораго вынуто было сидѣнье, для того, чтобы крышка возка не повредила высокой прически, молодая графиня, вѣроятно, лѣтъ семнадцати, вспомнила дорогой, что она, уѣзжая, не простилась съ мужемъ и вернулась домой.

„Когда она вошла въ домъ, она застала его въ слезахъ. Онъ плакалъ о томъ, что жена передъ отъѣздомъ не зашла къ нему проститься“ ¹⁾.

¹⁾ Вставка, слѣланная Львомъ Николаевичемъ при просмотрѣ рукописи.
Прим. П. Б.

О дѣдѣ и бабушкѣ своей со стороны отца Левъ Николаевичъ такъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Бабушка, Пелагея Николаевна, была дочь скопившаго себѣ большое состояніе слѣпого князя Николая Ивановича Горчакова. Сколько я могу составить себѣ понятіе объ ея характерѣ, она была недалекая, мало образованная,—она, какъ всѣ тогда, знала по-французски лучше, чѣмъ по-русски (и этимъ ограничивалось ея образованіе), и очень избалованная—сначала отцомъ, потомъ мужемъ, а потомъ, при мнѣ уже, сыномъ—женщина. Кромѣ того, какъ дочь старшаго въ родѣ, она пользовалась большимъ уваженіемъ всѣхъ Горчаковыхъ: бывшаго военнаго министра Алексѣя Ивановича и Андрея Ивановича и сыновей вольнодумца Димитрія Петровича: Петра, Сергѣя и Михаила Севастопольскаго.

„Дѣдъ мой, Илья Андреевичъ, ея мужъ, былъ тоже, какъ я его понималъ, человѣкъ ограниченный, очень мягкій, веселый и не только щедрый, но безтолково-мотоватый, а главное—довѣрчивый. Въ имѣніи его, Бѣлевскаго уѣзда, Полянахъ,—не Ясной Полянѣ, но Полянахъ,—шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обѣды, катанія, которые, въ особенности при склонности дѣда играть по большой въ ломберъ и вистъ, не умѣя играть, и при готовности давать всѣмъ, кто просилъ и займы и безъ отдачи, а главное, затѣваемыми аферами, откупамъ, кончились тѣмъ, что большое имѣніе его жены все было такъ запутано въ долгахъ, что жить было нечѣмъ, и дѣдъ долженъ былъ выхлопотать и взять, что ему было легко при его связяхъ, мѣсто губернатора въ Казани.

„Дѣдъ, какъ мнѣ рассказывали, не бралъ взятокъ, кромѣ какъ съ откупщика, что было тогда общепринятымъ обычаемъ, и сердился, когда ихъ предлагали ему. Но бабушка, какъ мнѣ рассказывали, тайно отъ мужа брала приношенія.

„Въ Казани бабушка выдала меньшую дочь, Пелагею, за Юшкова. Старшая же, Александра, еще въ Петербургѣ была выдана за графа Остенъ-Сакенъ.

„Послѣ смерти мужа въ Казани и женитьбы отца моя бабушка поселилась съ моимъ отцомъ въ Ясной Полянѣ, и тутъ я засталъ ее уже старухой и хорошо помню ее.

„Отца бабушка страстно любила и насъ—внуковъ, забавляясь нами. Любила тетусекъ, но, мнѣ кажется, не совсѣмъ любила мою мать, считая ее недостойной моего отца и ревнуя его къ ней. Съ людьми, прислугой, она не могла быть требовательна, потому что всѣ знали, что она первое лицо въ домѣ, и старались угождать ей, но со своей горничной Гашей она отдавалась своимъ капризамъ и мучила ее, называя: „вы, моя милая“,—и требуя отъ нея того, чего она не спрашивала, и всячески мучая ее. И странное дѣло, Гаша, Агаея Михайловна ¹⁾, которую я зналъ хорошо, заразилась манерой бабушки капризничать: и съ своей дѣвочкой, и съ своей кошкой, и вообще съ существами, съ которыми могла быть требовательна, была такъ же капризна, какъ бабушка съ ней.

„Самыя раннія воспоминанія мои о бабушкѣ, до нашей поѣздки въ Москву и жизни тамъ, сводятся къ тремъ сильнымъ, связаннымъ съ нею, впечатлѣніямъ. Первое—это то, какъ бабушка умывалась и какимъ-то особеннымъ мыломъ пускала на рукахъ удивительные пузыри, которые, мнѣ казалось, только она одна могла дѣлать. Насъ нарочно приводили къ ней, — вѣроятно, наше восхищеніе и удивленіе передъ ея мыльными пузырями забавляло ее,—чтобы видѣть, какъ она умывалась. Помню, бѣлая кофточка, юбка, бѣлыя старческія руки и огромные поднимающіеся на нихъ пузыри, и ея довольное, улыбающееся бѣлое лицо.

„Второе воспоминаніе — это было то, какъ ее безъ лошади на рукахъ вывезли камердинеры отца въ желтомъ кабриолетѣ съ рессорами, въ которомъ мы ѣздили кататься съ гувернеромъ Федоромъ Ивановичемъ — въ мелкій Заказъ

¹⁾ Старушка Агаея Михайловна нѣсколько лѣтъ тому назадъ умерла въ Ясной Полянѣ, гдѣ она жила на покой уже много лѣтъ. *Прим. П. Б.*

для сбора орѣховъ, которыхъ въ этомъ году было особенно много. Помню чаще частаго и густаго орѣшника, въ глубь котораго, раздвигая и ломая вѣтки, Петруша и Матюша (дворовые камердинеры) ввозили желтый кабріолетъ съ бабушкой и какъ нагибали ей вѣтки съ гроздями спѣлыхъ, иногда высыпавшихся орѣховъ, и какъ бабушка сама рвала ихъ и клала въ мѣшокъ, и какъ мы гдѣ сами гнули вѣтки, гдѣ Ѳедоръ Ивановичъ, и удивлялъ насъ своей силой, нагибая намъ толстые орѣшники, а мы обирали со всѣхъ сторонъ и все-таки видѣли, что еще оставались незамѣченные нами орѣхи, когда Ѳедоръ Ивановичъ пускалъ ихъ, и кусты, медленно цѣпляясь, расправлялись. Помню, какъ жарко было на полянахъ, какъ пріятно прохладно въ тѣни, какъ дышалось терпкимъ запахомъ орѣховой листвы, какъ шелкали со всѣхъ сторонъ, разгрызаемые дѣвушками, которыя были съ нами, орѣхи, и какъ мы, не переставая, жевали свѣжія, полныя бѣлыя ядра.

„Мы собирали въ карманы, подолаы и нашъ кабріолетъ, и бабушка принимала и хвалила насъ. Какъ мы пришли домой, что было послѣ, я ничего не помню, помню только, что бабушка, орѣшникъ, терпкій запахъ орѣховой листвы, камердинеры, желтый кабріолетъ, солнце — соединились въ одно радостное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что какъ мыльные пузыри могли быть только у бабушки, такъ и лѣсъ, и орѣхи, и солнце, и тѣ могли быть только при бабушкѣ въ желтомъ кабріолетѣ, который везутъ Петруша и Матюша.

„Самое же сильное, связанное съ бабушкой, воспоминаіе,—это ночь, проведенная въ спальнѣ бабушки, и Левъ Степанычъ. Левъ Степанычъ былъ слѣпой сказочникъ (онъ былъ уже старикомъ, когда я узналъ его),—остатокъ стариннаго барства, барства дѣда. Онъ былъ купленъ только для того, чтобы рассказывать сказки, которыя онъ, вслѣдствіе свойственной слѣпымъ необыкновенной памяти, могъ слово въ слово рассказывать послѣ того, какъ ихъ раза два прочитывали ему.

„Онъ жилъ гдѣ-то въ домѣ, и цѣлый день его было не видно. Но по вечерамъ онъ приходилъ на верхъ, въ спальню бабушки (спальня эта была въ низенькой комнаткѣ, въ которую входить надо было по двумъ ступенямъ), и садился на низенькій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ дожидался бабушку, которая безъ стыда могла дѣлать свой ночной туалетъ при слѣпомъ человѣкѣ. Въ тотъ день, когда былъ мой чередъ ночевать у бабушки, Левъ Степанычъ со своими бѣлыми глазами, въ синемъ длинномъ сюртукѣ съ буфами на плечахъ сидѣлъ уже на подоконникѣ и ужиналъ. Не помню, какъ раздѣвалась бабушка, въ этой ли комнатѣ или въ другой, и какъ меня уложили въ постель, помню только ту минуту, когда свѣчу потушили, осталась одна лампадка передъ золочеными иконами, бабушка, та самая удивительная бабушка, которая пускала эти необычайные мыльные пузыри, вся бѣлая, въ бѣломъ, на бѣломъ и покрытая бѣлымъ, въ своемъ бѣломъ чепцѣ, высоко лежала на подушкахъ, и съ подоконника слышался ровный, спокойный голосъ Льва Степановича: „Продолжать прикажете?“—Да, продолжайте.—„Любимая сестрица“, сказала она,—заговорилъ Левъ Степанычъ тихимъ, ровнымъ старческимъ голосомъ:—разскажите намъ одну изъ тѣхъ прелюбопытнѣйшихъ сказокъ, которыя вы такъ хорошо умѣете разсказывать“.—Охотно, отвѣчала Шехеразада,—разсказала бы я замѣчательную исторію принца Камаральзамана, если повелитель нашъ выразитъ на то свое согласіе. Получивъ согласіе султана, Шехеразада начала такъ: „у одного владѣтельнаго царя былъ единственный сынъ“... и, очевидно, слово въ слово по книгѣ началъ Левъ Степанычъ исторію Камаральзамана. Я не слушалъ, не понималъ того, что онъ говорилъ, настолько былъ поглощенъ таинственнымъ видомъ бѣлой бабушки, ея колеблющейся тѣнью на стѣнѣ и видомъ старика съ бѣлыми глазами, котораго я не видалъ теперь, но котораго помнилъ неподвижно сидѣвшаго на подоконникѣ и медленнымъ голосомъ говорив-

шаго какія-то странныя, мнѣ казавшіяся торжественными, слова, одиноко звучащія среди темноты комнатки, освѣщенной дрожащимъ свѣтомъ лампадки. Должно быть, я тотчасъ же заснулъ, потому что дальше ничего не помню, и только утромъ опять удивлялся и восхищался мыльными пузырями, которые, умываясь, дѣлала на своихъ рукахъ бабушка" ¹⁾.

По воспоминаніямъ сестры Льва Николаевича, Марьи Николаевны, у слѣпого Льва Степановича былъ такой тонкій слухъ, что онъ ясно слышалъ, какъ бѣгаютъ мыши, и зналъ, куда онѣ бѣгутъ. Однимъ изъ лакомствъ для мышей въ комнатѣ бабушки было лампадное масло, которое онѣ лизали. И вотъ ночью, во время равномернаго рассказыванья сказки, Левъ Степановичъ вдругъ останавливался и такимъ же спокойнымъ голосомъ заявлялъ: „А вотъ, ваше сіятельство, мышка побѣжала къ лампадкѣ масло лизать“. И потомъ съ той же равномерностью продолжалъ свой рассказъ.

Нижеслѣдующая генеалогическая табличка даетъ читателю наглядное представленіе о ближайшихъ предкахъ и родствѣ Льва Николаевича Толстого.

Счетъ поколѣній
отъ Индриса.

Графы Толстые:

- 15... Петръ Андреевичъ, первый графъ Толстой († 1729 г.).
16... Иванъ Петровичъ († 1728 г.).
17... Андрей Ивановичъ († 1803 г.).
18... Илья Андреевичъ († 1820 г.). Казанскій губернаторъ.

19...	Александра, въ супружествѣ съ графомъ Остенъ-Сакенъ.	Николай, († 1837 г.)	Пелагея, въ супру- жествѣ съ В. И. Юшко- вымъ.	Илья, умеръ без- дѣтнымъ.
-------	---	-------------------------	--	---------------------------------

- 20... Николай, Сергій, Дмитрій, Левъ, Марія
род. 1823 г., род. 1826 г., род. 1827 г., род. 1828 г., род. 1830 г. ²⁾.

¹⁾ Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

²⁾ Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. Н. П. Загоскина. „Историческій Вѣстникъ“. Январь 1894 года. Стр. 81.

Гр. Илья Андреевичъ Толстой.

Дѣдъ Л. Н—ча со стороны отца.

Графы Толстые извѣстны на многихъ отрасляхъ общественной дѣятельности; мы полагаемъ, что читателямъ интересно знать, въ какой степени родства находятся нѣкоторые изъ нихъ по отношенію къ Льву Николаевичу. Мы упомянемъ здѣсь о Ѳедорѣ Петровичѣ Толстомъ, извѣстномъ художникѣ, медальерѣ и вице-президентѣ Императорской Академіи Художествъ, приходившемся роднымъ братомъ Константину Петровичу Толстому, отцу поэта Алексѣя Константиновича Толстого, который въ свою очередь приходился троюроднымъ братомъ Льву Николаевичу. Бывшій министръ, Дмитрій Андреевичъ Толстой, извѣстный своими ретроградными реформами, принадлежалъ къ болѣе дальней роднѣ Льва Николаевича и происходилъ отъ ихъ общаго предка Ивана Петровича Толстого, сына перваго графа Толстого, Петра Андреевича, умершаго съ нимъ вмѣстѣ въ ссылкѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ ¹⁾.

Надо упомянуть также объ интересномъ человѣкѣ Ѳедорѣ Толстомъ, прозванномъ Американцемъ и извѣстномъ своими эксцентрическими авантюрами. Въ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ есть намекъ на него въ словахъ: „въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ“. О немъ говорить и Левъ Николаевичъ въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ. Личность его послужила Льву Николаевичу отчасти матеріаломъ для созданія въ „Войнѣ и мирѣ“ типа Долохова. Онъ приходился двоюроднымъ дядей Льву Николаевичу.

¹⁾ Свѣдѣнія, доставленныя Л. Н. Толстымъ. (См. также Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона Т. XXXIII, стр. 462.)